

DOI:10.33065/978-5-907216-08-2-2021-175-176

ПРОСТРАНСТВО ЗАГОВОРНО-ЗАКЛИНАТЕЛЬНОГО ОБРЯДА НА ТЕРРИТОРИИ УЛЬЯНОВСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

Калашникова Анна Евгеньевна

ассистент кафедры «Филология, медиатеchnологии и графический дизайн» Ульяновского государственного технического университета, г. Ульяновск

Аннотация. В статье рассматривается специфика реального и мифологического пространства в заговорно-заклинательном обряде на территории Ульяновского Поволжья.

Ключевые слова: фольклор, обряд, заговор, пространство

THE SPACE OF THE SPELL-CASTING RITE ON THE TERRITORY OF THE ULYANOVSK VOLGA REGION

Kalashnikova Anna Evgenievna

Assistant of the Department of Philology, media technologies and graphic design of Ulyanovsk state technical University, Ulyanovsk

Abstract. The article deals with the specifics of real and mythological space in the spell-casting rite on the territory of the Ulyanovsk Volga region.

Keywords: folklore, ritual, the conspiracy, the space

Заговоры – это «малые фольклорные тексты формульного характера, служащие магическим средством достижения желаемого в лечебных, защитных, продуцирующих и других ритуалах» [8], являются одним из древнейших пластов традиционной культуры и функционируют как в устной, так и письменной форме.

Однако заговор является не только фольклорным текстом, но действием, которое выполняет определённый человек с определёнными предметами. Таким образом, заговор является обрядом, а точнее окказиональным обрядом, выполняемым по случаю. Часто таким случаем оказывается какой-нибудь внезапный недуг или хроническая болезнь телесного или психологического свойства, которую можно изгнать [2], устранить, предотвратить и т.д. [10, с. 63].

Н.И. Толстой в монографии «Язык и народная культура» высказывает мысль, что любой обряд возможно представить как «определённый текст, т.е. некую последовательность символов выраженных при помощи обрядового синтаксиса», который является совместно с «обрядовой морфологией» обозначением определённых форм обрядовых символов. В рамках данной теории учёный выделяет несколько уровней обряда: акциональный (действие), предметный, вербальный (словесный), темпоральный (временной) и пространственный [10, с. 63]. Под пространственной организацией обряда учёный понимает «действия

приурочены к ритуально значимым элементам внешнего или внутреннего пространства или вообще пространственно ориентированы – вверх, вниз, вглубь и т.д.» [10, с. 167].

Таким образом, в данной статье мы поставили перед собой цель проанализировать заговор как обрядовое действие, однако в связи с масштабностью данной работы, мы ограничимся исследованием пространственного уровня в текстах Ульяновского Поволжья.

Материалом для исследования стали заговоры, собранные за время фольклорных экспедиций кафедры русского языка, литературы и журналистики УлГПУ им. И.Н. Ульянова с 1995 по 2008 гг. и хранящиеся в архиве НОЦ «Традиционная культура и фольклор Ульяновского Поволжья» [7], а также записанные А.П. Порозовой [4], Н.Ю. Трушкиной [6], Е.В. Сафроновым [3], А.С. Лапиной [3], общее количество которых составляет 351 текст.

В традиционной культуре представления о пространстве являются основными, потому что складывают собой общую картину мира и его модели. Характерные для традиционной культуры мифологические представления о пространстве непосредственным образом регулируют заговорно-заклинательный обряд. Это происходит в связи с тем, что пространств знахарской практике исполняет определённую функцию – способствовать вступлению в контакт адресанта с представителем мифологического пространства, поэтому может быть определена как «контактоустанавливающая функция» [11]. Во многих культурах под пространственным кодом подразумеваются пограничные зоны, находящиеся на границе «свой/ чужой» [1, с. 20].

Изучению пространственного элемента в заговорах посвящено достаточно большое количество исследований таких учёных, как Н.И. Толстой, С.М. Толстая, Л.Н. Виноградова, Е.Е. Левскиевской, Е.Е. Ермаковой, Т.А. Агапкиной, А.В. Юдина и др.

Итак, анализируя пространство как элемент организации обряда, отмечаем, что на территории Ульяновского Поволжья выделяются следующие места, в которых проводится ритуал. Прежде всего, обряд происходит в доме знахаря. Здесь можно указать на несколько мест:

- порог дома, который является в мифологическом пространстве границей разделяющей его на «своё» и «чужое» [1, с. 173]. В Сурском районе с. Лава на пороге лечат испуг: после того как знахарка измерила больного ниткой, она ведёт его к порогу, ставит лицом к углу двери и шепчет над ним заговор, после того как заговор окажется прочитанным, она перекрестит больного и ведёт обратно в помещение, чтобы снова его измерить [4];

- крыльцо – это последняя часть дома, которая

находится на границе, с одной стороны, он находится вне жилого помещения, а с другой – всё-таки является его частью. [5, с. 79]. В с. Большой Ключ на крыльцо выходят лечить ребёнка от испуга ранним утром: «Испуг? Хадила. Я сейчас не помню. Вы знаете, сколько раз хадила, бабка адназавараживала, выносила на заре на крыльцо...»[4]. Детскую болезнь куриный крик в Барышском районе с. Поливаново лечили, вынося ребёнка утром или вечером на крыльцо и несколько раз произнести молитву или специальные слова: «Вот с ребёнком выйдешь на крыльцо и будешь просить... Утром рано или вечером, когда куры спать ложатся. Будешь просить: «Дайте спать ребёнку...И куриный сон, и лошадино, и свиного...»[9, с. 79].

Следующим ритуальным локусом является баня. Выбор бани как одного из мест проведения лечебного ритуала обосновывается его восприятием как «пограничного локуса между миром людей и нечистой силой, местом контакта двух миров. Днём баня принадлежит людям, а ночью – мифическим существам, например, баннику» [7, с. 145]. Детское заболевание сидняк в с. Баевка Сурского района лечили в бане, делали специальные ванночки, настоянных на целебных травах: «Парят его. Парят в крапиве, ёлочки. Налить, вскипятить, и сажать в воду. Лечили сами» [9, с. 89]. Щетинку специально парили в бане, для этого делали закваску из теста, получившейся смесью мазали спину ребёнка и сверху накладывали марлю или тряпочку, а потом парили в бане венечком, после этого снимали марлю, на ней должны были остаться чёрные волосы: «Парили в бане, парили до тех пор, пока она всё... Закваску делают. На дрожжах тесто затевают как на блины, намажут тряпочкой сверху, а потом в бане парят венечком тихонько...а потом уже как снимали эту марлю, и там волосы торчат уже чёрны. Не на голове которы, а жёски, как щетинка вот на свинье» (Барышский район, г. Барыш)[9, с. 93]. Такое лечение, совмещённое на одновременном использовании парения в бани и хлебной или дрожжевой закваски распространена во многих местах Ульяновского Поволжья, например, такой способ излечения используют в п. Поливаново-Барышского района («Вот баню затопят, дрожжами помажут, попаришь и вот ...Три бани и они пройдут» [10]), в р.п. Сурское Сурского района («И вот в баню идут, берут марлечку, и стелют на спинку, и венечком выпаривают, и все волоса вылезут на эту марлю...»[10]), сс. Сосновка, Вальдиватское Карсунского района, с. Араповка Сурского района («Замешивают специальное тесто, кладут марлю, а потом парят немножко венечком, а потом, когда всё сделают марлю снимают. На ней остаются эти волосики. Их затем выкидывают или сжигают»), только здесь добавляется элемент дальнейшего уничтожения использованного материала: сжигание или выкидывание [9, с. 93].

Ещё одним сакральным местом выделяется курятник. Обращение к курам и использование его как место проведения лечебного ритуала связано с представлениями восточных славян о петухе и курице как «чистых» животных, потому что петух способен видеть нечистую силу, предупреждать о несчастье своим необычным поведением. В Кузаватовском

районе, с. Баевка детскую болезнь крик лечили в курятнике, ребёнка пронесли над куриным насестом: «...и эта бабушка его брала и под куриный насест... где куры сидят, и туда носила. Крик снимать»[10]. В некоторых случаях ритуал перенесения ребёнка на определённых слов-просьбы, молитвы, например, в п. Поливаново-Барышского района лечущий произносил следующие слова: «Ты курятник, Господь куряти... дай хорошей жизни ему... Дай мне от Бога такое счастье ему. Не куриное слепое, не куриных ходов, а дай человеческое, счастливое, человеческое... Ты куриная болезнь, ты ребёнку даёшь куриная жизнь, и дай ему не куриной жизни, а человеческой...» [9, с. 78]. В Барышском районе с. Поливаново куриный крик лечили тем, что приносили больного ребёнка в курятник и клали его в куриное корыто, двенадцать раз читали над ним молитву и посыпали его зерном, которое должны были склевать куры. Это действие повторялось три дня [9, с. 79].

Иногда больного выносили за пределы дома или двора в огород или поле. В Сурском районе с. Утёсовка так заговаривали ребёнка от крика: «Вон на агарод выйдут или в поле. Поле далеко, на агарод и что чтобы он не кричал, от крику заговаривают» [4].

Таким образом, можно сделать вывод, что в Ульяновском Поволжье пространственный элемент обряда чаще всего представлен внутри дома, а также отдельно можно выделить такие локусы как порог и крыльцо, а так же надворные постройки – баня и курятник. Реже лечащий выходит за пределы дома и двора в огород или в поле, в основном это делается при лечении ребёнка.

Список литературы:

1. Виноградова Л.Н. Граница как особая пространственная категория в народной культуре // Культура и пространство. Славянский мир. М., 2004. – С.20–25.
2. Идиатуллин А.К. Взаимодействие исламских и шаманских представлений в народной медицине татар Среднего Поволжья // Глобальный научный потенциал. – 2013. – № 8 (29). – С. 34–36.
3. Лапина А.С. Народная медицина Ульяновского Присурья (записки конца 20 – начала 21 вв.) – Ульяновск, 2005. – 69 с.
4. Личный архив Е.В. Сафронова.
5. Личный архив автора.
6. Плотникова А.А. Порог // Славянские древности: Этнолингвистический словарь/ под общей ред. Н.И. Толстого. В 5 тт. Т. 4. – М.: Международные отношения, 2009. – С.173.
7. Порозова А.Д., Шабалина Л.П. Традиционная народная медицина Симбирско-Ульяновского Поволжья. Историко-этнографическое исследование. – Ульяновск: Артишок, 2009. – 385 с.
8. Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М.: Индрик, 1995. – 463 с.
9. Толстая С. М. Заговор // Славянские древности. – Москва, 1999. – Т.2. – С. 229– 233.
10. Трушкина Н.Ю. Народная медицина, связанная с детством // Духовная культура русских Среднего Поволжья: Материалы полевых исследований. – Ульяновск, 1999. – С. 76–94.
11. Фольклорный архив НОЦ «Традиционная культура и фольклор Ульяновского Поволжья» им. Д.Н. Садовникова Ульяновского государственного педагогического университета имени И.Н. Ульянова
12. Юдин А.В. Ономастикон русских заговоров. Имена собственные в русском магическом фольклоре. – М., 1997. – [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://ruthenia.ru/folklore/judin1.htm>. (Дата обращения: 16.02.2019)